

ТАК ПОЛОЖЕНО

Юлия Викторовна Стрельникова родилась в городе Бузулуке Оренбургской области. Окончила Оренбургский государственный педагогический университет. Работала библиотекарем, учителем русского языка и литературы, корреспондентом на телевидении. Прозаик, член Союза литераторов РФ. Редактор детского журнала «Гостиный Дворик», приложения к литературному журналу «Гостиный Дворь». Живёт в г. Соль-Илецке Оренбургской области.

В небе сгустились предрасветные сумерки и окутали всё вокруг мягким сизым светом, но постепенно они уступают место солнечным лучам, пробивающимся через плотные льняные шторы. Комната уже хорошо освещена. Бросаю взгляд на часы — 8.30. Что это? Неужели опоздала?

Мне 14 лет. Половину своей жизни я хожу в школу, и, хотя она не вызывает во мне особой радости, больше всего я боюсь в неё опоздать. К счастью, сумка с учебниками уже собрана. Вскочив, я шеметом напяливаю на себя платье и фартук, осталось только завязать пионерский галстук. Когда торопишься, узел всегда получается дурацкий. Вот и на этот раз он вышел кривым, съехал набок, один конец галстука топырится колом. Как же он мне надоел! Но ничего, скоро я с ним расстанусь и поменяю на комсомольский значок. С ним и выглядишь солидно, по-взрослому, да и завязывать ничего не надо.

Тут из спальни вышла мама и как-то странно посмотрела на меня.

— Ты куда, Марина?

— В школу, куда же ещё... — раздражённо бурчу я. — Вы чего не разбудили-то меня? Опоздала вот теперь...

— В школу? Вечером?

Я выронила сумку и ошарашенно огляделась вокруг. И сразу стало ясно, что за окном вечерние сумерки, на часах 8.30 вечера, а не утра, да и заснула я на диване, в домашней одежде. Я с облегчением рассмеялась и развязала галстук с неудачным узлом. Как хорошо, что не надо никуда идти! Можно приготовить чай, забраться на кровать, укрыться тёплым клетчатым одеялом и дочитать роман о детях капитана Гранта (они у меня уже подплывают к Новой Зеландии, и, кажется, скоро будет сражение с дикарями).

Но вот пришло и настоящее утро. Свежий осенний воздух врывается в открытую форточку, и тюлевые занавески чуть дрожат от лёгкого сквозняка. Одевшись и закинув сумку на плечо, я быстро выбегаю из подъезда. До школы мне совсем недалеко — всего лишь пробежать мимо детского сада и обогнуть одну пятиэтажку.

Вот и школа. Поднявшись по треснутому бетонным ступенькам, я открываю тяжёлую скрипучую дверь. В вестибюле царит

привычный шум и гам: кто-то толкается, пытаясь проскочить в первую очередь, кто-то мутузит соседа портфелем по голове, а старшеклассница с красной повязкой на рукаве кричит с надрывом: «Сменная обувь! Все принесли сменную обувь?»

В общем, всё как всегда. Правда, недавно в нашей школе произошло нечто новое: сменился директор. Новый директор (удивительно!) оказался молодым и даже симпатичным. На линейке 1 сентября он рассказал о своём плане переустройства и обновления нашей школы. Всё это вызвало огромный интерес, все в школе только и говорят про нового директора. Вот и сейчас около его кабинета прохаживается парочка старшеклассниц с задумчивым и отрешённым видом, изредка поправляя складки кружевного фартука или непослушную прядь волос. А вдруг директору понадобится помощь в реализации его планов? А они тут рядом, как бы невзначай...

Подёргав дверь класса, я поняла, что он ещё закрыт, и повернула направо к окну, где обычно, навалив сумки и дипломаты на подоконник, ждали уроков мои одноклассники. Тут же чуть не столкнулась с Галей, нашим школьным комсоргом, которая бегала по коридору с какими-то стопками бумаг.

— Так, Соловьёва, ты у меня заявление в комсомол написала?

— Нет... — мотаю головой я.

— А чего стоишь, кого ждёшь?

Вот тебе бланк, прямо сейчас и заполняй!

Теперь я замечаю, что большинство моих одноклассников что-то пишут, пристроившись на подоконнике. Беру ручку и рассматриваю бланк. Так, ФИО, дата рождения, адрес... Быстренько всё заполняю, но спотыкаюсь на графе «причины вступления». Странно, я никогда и не думала об этом... Заглядываю через плечо Иринки Балашовой, но у неё эта графа тоже пустая.

— Галя! Галь, а здесь что писать? — решаюсь наконец спросить я.

— А здесь, Марина, всё просто, — комсорг улыбнулась и пристально посмотрела на меня из-под низко нависшей чёлки. — Ты же хочешь стать строителем коммунизма?

— Я? Ну... Да!

— Молодец! — просияла Галя. — Вот прямо так и пиши. Не забудь ещё Устав у меня взять.

— А в комитете, там что будут спрашивать? Вдруг я не отвечу... Не примут тогда?

— Да не волнуйся, всё будет нормально. Принципы демократического централизма выучила? А шесть орденов комсомола? Биографии героев-комсомольцев тоже почитай, могут спросить. Да, вот ещё что, гимн обязательно знать наизусть!

— А там что, — засмеялся Миша Панков, — петь его заставят?

— Да, если надо, и споешь! — отрезала Галя. — Давайте заявления, кто уже заполнил.

Наклоняюсь над бланком и старательно вывожу: «Я хочу быть строителем коммунизма...» — но тут звенит звонок, и мы, подхватив сумки, идём на урок географии.

— Здравствуйте! Садитесь.

В класс быстрым шагом вошла наша завуч по воспитательной работе Елена Павловна Коробкова, женщина высокого роста, стройная, с тёмными волосами, плотно уложенными в аккуратный пучок. Она вела у нас уроки географии и считалась самым строгим и бескомпромиссным учителем. Вот и сейчас Елена Павловна обвела класс придирчивым взглядом и остановилась на первой парте третьей колонки.

— Шестакова Таня! Ты опять с распущенными волосами! Сколько раз я уже делала тебе замечание, что в школе нужно иметь опрятный внешний вид, заплетать косу или делать стрижку. И всё бесполезно... Да ты и сейчас меня не слушаешь! Что ты там пишешь, Татьяна? Письмо Онегину?

Она подошла и взяла у Тани из рук маленький блокнотик, разрисованный причудливыми цветами и сердечками.

— Да какой Онегин! Любой Онегин сбежит от таких прыщей... — раздался насмешливый голос с последней парты, где,

развалясь и покачиваясь на стульях, сидели Сергей Серпунов и Андрей Клык.

Таня склонилась над партой и закрыла лицо руками. Длинные, густые волосы необычного каштаново-рыжего цвета рассыпались по плечам и как будто укрыли её покрывалом. К сожалению, на лице Тани действительно было много прыщей, которых она очень стеснялась. Только сейчас я поняла, что Таня специально садится на первую парту, чтобы всем в классе были видны её волосы, но не было видно лица. Правда, это не спасало её от насмешек одноклассников. Особенно усердствовали в этом Серпунов и Клык, получившие прозвища Серый и Клык.

— Таня, возмёшь блокнот после урока. Да, кстати... Оля Рудакова! По имеющейся у меня информации, ты носишь крестик. Крестик под пионерским галстуком? Это как понимать?

Оля смутилась и медленно встала.

— Я... Елена Павловна, мне бабушка велела носить. Сказала, чтобы я никогда его не снимала.

— Меня интересует мнение не твоей бабушки, а комиссии из горно. Чтобы завтра его не было! Ты поняла?

Оля молча кивнула и села за парту.

— На дом было задано поработать с картой. Надеюсь, это задание вы выполнили. К доске

пойдёт... — Елена Павловна медленно оглядела класс поверх очков и нахмурилась: — А где Демченко? Его опять нет? Та-ак...

— Елен Пална! Можно мы его приведём? Он в соседнем доме на чердаке прячется! — подскочили Клык и Серый.

— Хорошо, мальчишки. Только быстро, одна нога здесь, а другая там.

— Ща доставим вам его в лучшем виде! — гремя стульями, Серый радостно потирал руки.

— Мне очень жаль, — размеренно произнесла учительница, — что некоторые из вас так наплевательски относятся к обучению, особенно сейчас, когда вам всем предстоит вступление в комсомол...

— У меня вопрос! — поднял руку Михаил Панков. — А можно не вступать?

— То есть как? — брови учительницы резко подпрыгнули вверх, в отличие от очков, которые тут же стали спускаться на кончик носа. — Как это не вступать?

— Ну, я имею в виду... — Михаил переминался с ноги на ногу. — Не всем же обязательно быть комсомольцами...

— Мишенька! — мягко произнесла Елена Павловна. — Ты же у нас гордость класса, на золотую медаль идёшь... Я ещё понимаю, если бы мне это сказал кто-нибудь вроде... — она кинула взгляд на пустую парту Демченко. — Кхм... Кхм...

Закашлявшись и обмахиваясь тетрадью, она прошлась из стороны в сторону.

— В общем, как хочешь, конечно. Нравится портить себе жизнь — порть. Но на комсомольских собраниях чтобы духу твоего не было. И я ещё посмотрю, как ты поступишь в институт.

В этот момент с грохотом распахнулась дверь, и в класс ввалились Сергей с Андреем. Между ними, поддерживаемый за шкуру, почти висел Юрка Демченко. Маленький, щуплый, с давно не стриженными лохмами, он шаркал грязными ботинками и постоянно шмыгал носом. Под глазом у него красовался багровый синяк.

— Вот он, Елен Пална, как вы и просили, — пробасил Сергей.

— Спасибо, мальчики. Открываем учебники, проверяем домашнее задание. Демченко, к доске! Покажи нам Гибралтарский пролив.

Юрка молчал, опустив голову и рассматривая свои ботинки.

— Так... Не знаешь... — констатировала Елена Павловна. — Ну что же... Найди на карте Нидерланды.

Демченко взглянул на карту, шмыгнув носом, утёр его рукой и вздохнул.

Завуч заглянула в журнал и страдальчески поморщилась.

— Ну, хорошо, Демченко, покажи нам Австралию, — вздохнув, произнесла она.

Во взгляде Юрки вспыхнула живая мысль, протянув руку к карте, он шагнул вперёд, но наступил на свои шнурки и, падая, ухватился за угол карты, умудрившись при этом вырвать значительный кусок из злополучной Австралии. Класс просто задохнулся от смеха, а Елена Павловна стукнула кулаком по столу и резко произнесла:

— Вон! Вон отсюда! И чтобы без родителей не возвращался!

Демченко вздохнул, повертел в руках кусок с Австралией, потом осторожно положил его на пол и, шаркая ботинками, вышел из класса.

На перемене я подошла к Тане:

— Хочешь, пойдём после уроков ко мне, я тебе колосок заплету? Тебе очень пойдёт, да и Елена цепляться не будет. Только я сначала подойду к Дуремару, он мне почему-то тройку поставил за вчерашний урок, а меня и не спрашивал совсем. (Дуремаром мы называли учителя истории за неуклюжесть и комичную внешность: он был лысым, долговязым, с оттопыренными ушами).

Таня рассмеялась:

— А Дуремар так всегда оценки ставит. Он спрашивает мало, а потом смотрит: оценок почти нет, а надо четвертную выводить. Ну, он и подставляет лишние отметки.

— Да? А чего это он мне три поставил? Ну, поставил бы пять, я вообще-то историю хорошо знаю.

— А он просто смотрит, какие у ученика оценки по другим предметам. В журнале первой стоит алгебра, вот он тебе по ней и поставил.

Я нахмурилась:

— Ну что ж... Ну, алгебра... Да, хватанула трояк за контрольную. Но ведь я его уже исправила!

— Да плюнь ты на него, не обращай внимания! Он мне тоже трояк поставил, а мне по барабану. — Таня резко остановилась и посмотрела мне в глаза. — Давай лучше после уроков ко мне пойдём. Я тебе покажу моё ЧУДО.

— А что это?

— Потом узнаешь.

Уроки кончились, и мы с Таней вышли из школы.

— Нам направо, видишь ту серую пятиэтажку с синими балконами? Подожди только, я сейчас.

Она купила у старушки, сидящей около магазина, кулёчек с семечками.

— Ты что, любишь грызть семечки? — удивилась я.

— Нет, — засмеялась Таня, — я их вообще не ем. Это секрет, потом поймёшь, зачем они.

По узкой дорожке из бетонных плит мы дошли до уютного дворика с деревянными, ярко раскрашенными скамейками и

клумбами, заботливо огороженными кирпичами.

— Вот и мой подъезд. Первый этаж и сразу налево.

Через минуту мы оказались в маленькой прихожей с тёмной полированной мебелью, небольшим зеркалом и плетёным коврикком на полу, который слегка поскрипывал под ногами.

— Бери тапки, а я сейчас всё подготовлю, — Таня плюхнула сумку в угол и убежала в комнату.

Я разделась, нацепила на ноги вязаные тапочки с помпонами и нерешительно прошла несколько шагов по коридору. Тут же дверь комнаты распахнулась, и Таня с сияющими глазами прошептала:

— А теперь... Смотри!

В углу комнаты стояла большая картонная коробка, накрытая прозрачной газовой косынкой. Оттуда раздавалось какое-то странное шуршание. Я подошла и с любопытством заглянула под платок. В коробке, застеленной газетами, сидел птенец голубя, уже почти подросший, только худенький, взъерошенный и неуклюжий. Он топтался в углу коробки, иногда наклонял голову и испуганно посматривал на меня.

— Ух ты! Какой хорошенький!

— Да, у него только лапка поранена, поэтому хромает немножко. Наверно, он первый раз вылетел из гнезда и как-то неудачно. А может, на него кошка напала?

— А ты где его нашла?

— Это не я, это Юрка Демченко его нашёл. Только ему родители не разрешили взять птенца, и он мне отдал. А моя мама ничего, не против, только сказала, чтобы я за ним убиралась два раза в день. Вот я и стараюсь, видишь, газет старых набрала...

— Слушай, Тань... — у меня всё не выходил из головы сегодняшней случай в школе. — А почему Юрка не расскажет родителям, что Серый и Клык его бьют?

— Да ты что? Его отец ещё сильнее бьёт, особенно когда напьётся. Он от отца и прячется на чердаке. А мать у него уборщицей в двух местах работает, её дома всегда нет...

Таня взяла птенца в руки и прижала к себе, поглаживая его пушистые пёрышки.

— Ах ты, Чудик мой маленький! Вот вырастешь, окрепнешь, станешь большим и сильным и улетишь отсюда далеко-далеко...

Я с сомнением погладила птенца по нежной зеленоватой шейке.

— Вряд ли... Он же не перелётный. По городу только летать будет.

Таня покраснела, и на глаза у неё навернулись слёзы.

— Ну вот, зачем ты всё испортила? Мне так хотелось помечтать...

Я села рядом и обняла её за плечи.

— Не переживай... Знаешь, что я придумала? Мы сделаем из него почтового голубя! Я читала,

что голуби всегда возвращаются домой. Всегда! У них как будто есть встроенный компас. Представь: я беру Чудика и еду куда-нибудь на край города. Привязываю ему к лапе записку и отпускаю. А ты ждёшь его здесь у открытого окна. Он обязательно прилетит, даже если не будет знать дороги. Правда, здорово?

Голубь заворочался в Таниных руках, как-то хитро взглянул на нас и, потягиваясь, расправил одно крыло, как бы говоря: ну да, я могу, если что...

Таня улыбнулась, смахнула набежавшие слезинки и тихо прошептала:

— Да... Я буду его ждать...

Наш класс принял участие в общешкольном туристическом слёте. Разбили лагерь на обширной поляне между холмами, сплошь заросшими чабрецом и степной полынью. Мальчишки ставили палатки и собирали дрова для костра, а мы соорудили импровизированный стол на траве: достали пакеты с домашними булочками и пирожками, разложили на салфетках варёные яйца и картошку.

Мы с Таней резали хлеб и сало, когда рядом плюхнулась неразлучная парочка — Сергей с Андреем.

— Дайте уже что-нибудь пожрать, а то живот к позвоночнику прилип!

— Да берите что хотите, — я пододвинула к ним пакеты.

— Ух! Сало! Это мы любим... А это чья картошка? Твоя, что ль, Шестакова? О-оо, тогда её надо продезинфицировать. Слышь, Серый, говорят, прыщи заразные...

Андрей усмехнулся, чиркнул спичкой о коробок и, нацепив картошку на вилку, стал опаливать её над огнём. Таня вскочила, бросила пакет с салфетками и убежала.

— Прекрати! Сейчас же прекрати это! Слышишь? Хватит над ней издеваться! — взрываюсь я.

— Да? А то чё? — Клык навис надо мной, будто грозовая туча. — Ты чё это тут распищалась, мышь серая?

И тут я не выдержала и, размахнувшись изо всех сил, бросила ему в лицо пакет со сметаной. Он лопнул, и потёки сметаны превратили лицо Клыка в белую маску, из-под которой раздалось какое-то нечеловеческое рычание:

— А-а-а... Ты так... Да я тебя щас...

Тут у меня сработал инстинкт, и я бросилась бежать, не выбирая дороги, не обращая внимания на камни, кочки, заросли сухой травы, слыша только топот и рычание за спиной. Я неслась как ветер, в один прыжок перемаяла через небольшой овражек, обернулась и вижу... Нет, это не Клык... Это тигр! Оскалив зубы, он несётся за мной огромными прыжками.

Тигр всё ближе и ближе. Я уже слышу его храпящее дыхание. Чувствую, что он делает мощный прыжок, взмывает вверх, чтобы настигнуть меня... Из последних сил я совершаю отчаянный рывок, чтобы уйти от погони, и...

На меня падают книги, стаканчик с карандашами и будильник, стоящие на столе рядом с кроватью... Очевидно, махая руками, я их зацепила... Я дома... Неужели это был только сон? Выбравшись из-под книжных завалов, сажусь на кровати, завернувшись в одеяло, и размышляю. Да, всё правильно, это сон. Ведь мы ещё только готовимся к турслёту.

— Марина, иди завтракать! — зовёт из кухни мама.

Макароны по-флотски — моё любимое блюдо. Наливаю чай, достаю из холодильника банку клубничного варенья, и тут ни с того ни с сего приходит в голову мысль: интересно, была ли у тигра морда в сметане или нет? Эх, если бы я знала, что это сон, не бежала бы от него сломя голову, а просто подёргала бы за усы или дала щелбан в нос. Я тихонько хихикаю, размешивая вилкой макароны. Или даже нет... Лучше так: я говорю «алле-оп!», у меня в руках появляется серебряный обруч, а тигр, поджав хвост, встаёт на задние лапы и послушно прыгает в кольцо.

— Ты чего там смеёшься? — подозрительно смотрит на меня мама.

— Да нет, ничего. Это я так, сон вспомнила.

Доев макароны, я быстро за-
пихиваю в сумку учебники и те-
тради и выбегаю из дома.

Прозвенел звонок, и мы вхо-
дим в кабинет литературы, свет-
лый и уютный, увешанный пор-
третами классиков и цитатами из
их произведений. Лёшка Березин
небрежно шмякнул свою сумку
на стул и мрачно вздохнул:

— Ребята, давайте, выручай-
те. Я на баскетболе вчера был,
выложился на полную катуш-
ку. Короче, учебник не открыв-
вал даже, а наша Раиса щас мне
головомойку устроит. Слышь,
Мишка, может «вдохновляющий
вопрос» подкинешь?

«Вдохновляющим вопросом»
мы называли такой вопрос или
тему, которые нашу учительни-
цу литературы приводили в не-
описуемый восторг, и она могла
бесконечно рассказывать нам о
писателях, поэтах и интересных
фактах из их жизни. Часто этот
монолог продолжался до конца
урока; услышав звонок, Раиса
Петровна сконфуженно бормота-
ла: «Ох, что же это? Опять вы
меня отвлекли... Ну ладно, запи-
сывайте задание на дом...»

— Не знаю, Лёх, — отозвался
Миша. — Что-то ничего в голо-
ву не приходит... А может, по
Есенину дискуссию устроим?
Насчёт того, убили его или нет?
Я тут как раз недавно статью чи-
тал...

— Во-во, Миха, давай, устраи-
вай! — довольно закивал Лёша.

— Можно ещё спросить, в ка-
ких городах и сёлах нашей об-
ласти побывал Пушкин. Вы пом-
ните, Раиса Петровна обещала
нам рассказать... — включилась
в разговор Светлана Ермолова.

Одноклассники ещё долго об-
суждали стратегию и тактику бу-
дущего урока, а Раиса Петровна
всё не приходила. Прошло уже
15 минут, но в коридоре стояла
тишина, и лишь где-то в отда-
лении слышался приглушённый
гул голосов.

— Я схожу в учительскую,
узнаю, что там. Может, что слу-
чилось... — вызвалась Рита Тро-
фимова и, быстро проскользнув
между партами, исчезла за две-
рью.

Я откинулась на спинку стула
и задумчиво посмотрела в окно.
Налетевший порыв ветра ударил
по веткам рябины, огненные ки-
сти хлестнули по стеклу, и яго-
ды красным градом посыпались
на подоконник, подпрыгивали,
падали на землю...

Сердце сжалось от ощущения
непоправимой беды. Что-то слу-
чилось. Что-то, что нельзя изме-
нить и исправить, что пронзает
душу обжигающей болью...

Такое чувство уже было у
меня несколько лет назад. Я со-
биралась смотреть свою люби-
мую передачу «В гостях у сказ-
ки», втайне надеясь, что покажут
что-нибудь «про принцесс». На-
мазала хлеб вареньем, открыла
пакетик с вафлями, сложила всё

на поднос и уселась перед телевизором. Но по всем программам (и по радио тоже) почему-то шёл концерт классической музыки. Тихо плакала скрипка, ей заунывно вторила виолончель, а потом раздались густые трагические аккорды контрабаса...

Я забралась в кресло с ногами, уткнулась головой в колени и тихо шептала: «Только бы не война... Только бы это была не война...»

За окном как будто дрожит воздух и нарастает низкий тягостный гул. Самолёты... Неужели уже бомбят? Да нет, не может быть...

Когда вечером пришли родители, выяснилось, что это не война, просто умер Брежнев.

Резко хлопнула дверь, и в класс, задыхаясь, ворвалась Рита.

— Там... Девятиклассника избили... Он новенький был, с другой школы. Кто-то из его класса... бил его ногами в живот... Он в медпункте... Скорую уже вызвали...

И, рывком расслабив галстук на шее, выдохнула:

— Короче... Уроки отменяются, сказали — всем идти домой...

Все старшеклассники столпились перед входом в школу, обступили машину скорой помощи и растерянно перебрасывались вопросами, пытаясь узнать, что случилось. Мы с Таней встали чуть в стороне, рядом с развесистым кустом акации.

На крыльцо вышла завуч Елена Павловна и закричала:

— Расходитесь! Все расходитесь! Не надо здесь стоять!

Она сняла очки и уже тише, срывающимся голосом произнесла:

— Дети! Идите домой... Домой...

Стайка первоклашек выбежала из школы, весело подпрыгивая, пронеслась мимо, но старшеклассники стояли молчаливой стеной. Никто из них не сделал даже шага. Одни любопытно поглядывали на машину скорой помощи, другие, мрачно понурясь, не отрывали взгляда от земли.

Елена Павловна обречённо взмахнула руками и скрылась в дверях.

Вскоре послышались чьи-то резкие, тяжёлые шаги, и два санитары вынесли носилки. Лежащий на них подросток был полностью накрыт простынёй. С головой...

Толпа ахнула, а какая-то девочка разрыдалась, истерично всхлипывая.

— Да что же это, что это такое? — твердила Таня. — Ведь это значит, что...

— Пойдём... — я взяла её за руку. — Надо идти домой. Завтра всё узнаем.

На следующий день вся школа бурлила и кипела, как горный поток: специалисты из горностроители устроили экстренную проверку,

учителя готовились к общешкольному родительскому собранию, а в кабинете директора теперь сидел следователь милиции и вызывал на допрос учеников 9 класса. Серый и Клык присмирели, вели себя тише воды, ниже травы и даже бросили курить в туалете.

После уроков мы уже собирались идти в раздевалку, как в класс забежала Иринка Балашова и с порога начала тараторить:

— Вы знаете, кто в нашу школу пришёл? Корреспондент местной газеты! Он в соседнем кабинете сидит, расспрашивает всех, кто что-нибудь знает о происшествии. Я уже к нему очередь заняла.

— А ты откуда всё знаешь? Ты там была? — поинтересовался Миша Панков.

— Чтобы всё знать, совсем необязательно везде быть! — отчеканила Ира и с гордым видом скрылась за дверью.

— Вот помело-то! — возмутился Михаил. — Сейчас наметёт там пурги с три короба. А вообще, правда, ребята, кто что-нибудь знает об этом? Говорите!

— Да мало кто что знает, Миха, — отозвался Славка Зарубин. — Этот парень пришёл

из другой школы и что-то не поделил с местными пацанами. Они устроили с ним разборку в коридоре во время «пустого» урока, когда никого из учителей не было. Ну, типа, решили наказать за непослушание. Обступили кругом и били ногами. Потом он упал без сознания, а они сразу разбежались. Говорят, что он умер в медпункте из-за внутреннего кровотечения.

Славка сложил учебники в потрёпанную сумку, накинул её на плечо и вздохнул:

— Вот только знаете... теперь нашему директору хана!

— Как это? — не поняла я.

— Ну, как? Уволят его, да и всего делов.

— Так ведь он ни в чём не виноват! — я в отчаянии сжимаю кулаки. — Как же так? Ведь он только что начал работать в нашей школе.

— Может быть, если бы он остался, у нас всё стало бы по-другому... — тихо добавила Таня.

— А кого это волнует? — с горечью произнёс Славка, нахлобучивая кепку на затылок. — Всё равно его снимут. Я это точно знаю, у меня мать в горно работает. Снимут обязательно. Так положено...